

Н. А. ЕРОФЕЕВ

ОБ ОЦЕНКЕ НЕКОТОРЫХ СТОРОН ЧАРТИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Среди проблем международного рабочего движения, привлечших к себе в последнее время внимание советских историков, видное место занимает история чартизма — крупнейшего выступления рабочего класса в стране, которую по праву можно назвать родиной организованного рабочего движения. Однако, несмотря на наличие ряда работ, посвященных чартизму, многие кардинальные вопросы происхождения и характера этого движения до сих пор остаются нерешенными.

Статья Б. А. Рожкова, опубликованная в этом журнале¹, представляет собой попытку по-новому оценить основные проблемы чартистского движения. В ней рассматриваются два важнейших вопроса, тесно связанных между собой: о характере чартистской партии и о периодизации чартистского движения.

Главная мысль, лежащая в основе статьи Б. А. Рожкова, заключается в том, что чартизм являлся самостоятельной политической партией рабочего класса, преследовавшей социалистические цели. Автор пишет: «Мы исходим из того, что основным признаком самостоятельности политической рабочей партии является признание ею в качестве главной цели своей борьбы ниспровержения господства буржуазии и завоевания пролетариатом политической власти для социального освобождения трудящихся (организации социалистического общества)» (стр. 111). Далее говорится, что «чартисты преследовали такую цель». Правда, оговаривается автор, «это не означает, конечно, что данная цель выступала одинаково отчетливо с самого начала чартистского движения» (там же).

В основу предлагаемой Б. А. Рожковым периодизации чартистского движения он кладет «развитие сознательности чартистов» и выделяет три периода: 1836—1840 гг., 1840—1844 гг. и 1844—1854 гг. Первый из них, по мнению автора, характеризуется тем, что до 1840 г. «в чартистском движении сохранялись еще многие старые иллюзии». 1840—1844 гг. Б. А. Рожков считает периодом значительного внутреннего роста чартистского движения.

Третий период — после 1844 г. — Б. А. Рожков характеризует как «начало борьбы за соединение чартистского движения с пролетарским социализмом» (там же). Далее автор применяет свой собственный термин, называя 1844—1854 гг. периодом «сближения» чартистского движения с марксизмом» (стр. 113). К сожалению, автор не разъясняет, что он имеет в виду, а ограничивается изложением известных фактов, рисующих деятельность Маркса и Энгельса, направленную на воспитание английского рабочего класса в революционном духе. При всей бесспорной важности этой деятельности неясно, какие она дает основания говорить о «сближении» чартизма с научным социализмом. Не подтверждается этот тезис и фактом участия видных деятелей чартизма — Гарни и Джонса — в обществе «Братских демократов». В качестве третьего аргумента автор приводит несколько положительных отзывов К. Маркса и Ф. Энгельса о некоторых печатных органах чартизма, заявляя: «Что касается самой чартистской агитации, то она в этот период по своему духу была во многих отношениях близкой к марксизму» (там же). Вся эта аргументация автора показывает, с каким вниманием Маркс и Энгельс следили за развитием чартизма, но, как нам кажется, она не дает достаточных оснований для утверждения о «приближении» чартизма к марксизму.

¹ Б. А. Рожков. К вопросу об организации английских рабочих в партию чартистов. — «Новая и новейшая история», 1959, № 3.

Таким образом, в основе концепции Б. А. Рожкова лежит взгляд на чартистское движение, как социалистическое, причем не только на позднем его этапе, но и на самых ранних стадиях его развития².

Нам эта концепция представляется недостаточно аргументированной. Б. А. Рожков пишет, что основанием для вывода о социалистических целях чартистского движения служит «анализ Хартии, петиций чартистов с требованием утверждения Хартии законом страны, программы 1851 г. и других документов чартизма» (стр. 111). Но сразу же бросается в глаза, что в этом перечислении объединены документы не только разной ценности, но прежде всего различных этапов движения. Хартия, составленная в 1837 г. при участии буржуазных радикалов, поставлена в один ряд с программой 1851 г.— документом, безусловно, социалистического характера. Эти два документа разделяют 13 лет острой борьбы рабочего класса; на протяжении этих лет в идеологии чартистского движения, в его составе и тактике произошли существенные сдвиги. Переноса результат длительной эволюции чартизма в самое начало движения, Б. А. Рожков тем самым зачеркивает эту эволюцию.

Достаточно обратиться к тексту Хартии и петиций, чтобы убедиться, что в них нет ни малейшего намека на социалистические планы. Хартия, составленная в 1837 г. Ловеттом при участии буржуазных радикалов, содержала лишь программу демократического преобразования парламента³. Хартия была, как известно, одобрена такими буржуазными деятелями, как О'Коннел, Робак, Томсон и др., которые позднее стали ожесточенными врагами чартизма. Хартия именно потому и получила сразу всеобщее признание, что не выдвигала никаких социальных и экономических требований рабочего класса и была приемлемой для всех оппозиционных слоев общества. А это значит, что ссылка Б. А. Рожкова на Хартию как на свидетельство о социалистических целях чартистов совершенно не обоснована.

Обратимся теперь к текстам чартистских петиций. В петиции 1839 г. говорится: «Мы сгибаемся под бременем налогов, которых тем не менее все еще мало для наших правителей; наши коммерсанты дрожат на грани банкротства; рабочие умирают с голода; капитал не приносит прибыли, а труд не дает вознаграждения: дом ремесленника (*artificer*) пуст, а ломбард полон; рабочий дом переполнен, а мастерская покинута»⁴.

Указав на эгоизм партий и разочарование, вызванное реформой 1832 г., авторы петиции заявляли: «Со всем смирением пришли мы сказать почтенной палате, что нельзя позволить, чтобы продолжалось подобное состояние; что оно не может долго длиться, не подвергая серьезной угрозе прочность трона и мир в королевстве; и если с божьей помощью, с применением всех законных и конституционных средств можно будет положить ему конец, мы полны решимости содействовать его (состояния.— *Н. Е.*) скорому прекращению»⁵.

Из приведенных выдержек видно, что в петиции не только не были сформулированы идеи социалистического характера, но отсутствовали даже специфические требования рабочего класса. Авторы петиции специально подчеркивали, что выступают от имени всех классов, в том числе и буржуазии. В качестве практического вывода из перечисленных жалоб авторы петиции предлагали расширение избирательных прав: «Мы имеем обязанность свободных людей; мы должны иметь и привилегии свободных людей. Поэтому мы требуем всеобщего избирательного права». Подача голосов, говорилось далее, «должна быть тайной, чтобы устранить коррупцию богатых и насилие властных»⁶.

² Некоторые высказывания Б. А. Рожкова позволяют думать, что он усматривает социалистические цели в чартизме даже до 1840 г., т. е. почти с самого начала чартистского движения. Так, характеризуя развитие чартизма в 1840—1844 гг., автор пишет, что в эти годы «более отчетливо (разрядка наша.— *Н. Е.*) выясняются социалистические устремления чартистского движения» (стр. 111). Если эта фраза не является ошибкой, то она может означать лишь то, что «социалистические устремления» содержались в чартизме и ранее, т. е. до 1840 г.

³ W. Lovett. *Life and Struggles*, vol. I. New York, 1920, p. 168—169.

⁴ См. «*British Working Class Movements. Select Documents 1789—1875*». London, 1951, p. 353—355.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

Петиция 1842 г. отличалась от первой более резким тоном, в ней отчетливее говорилось об угнетении и эксплуатации рабочего класса: «Рабочий день, особенно фабричных, превышает все границы человеческой выносливости, а заработная плата за труд в душной, нездоровой обстановке мастерских совершенно недостаточна для поддержания физических сил и создания рабочему тех условий, которые необходимы после усиленного расходования физической энергии». Петиция указывала также на «голодную заработную плату земледельческого рабочего»⁷.

Чего же конкретно требовала петиция? Прежде всего отмены «монополий» «Ваши просители имеют в виду существующие монополии избирательного права бумажных денег, владения машинами, земель, монополию прессы, религиозных привилегий, средств сообщения и множество других, слишком многочисленных, чтобы их можно было перечислить». Преобразование парламента мыслилось авторами петиции лишь как путь к отмене этих монополий. «Уничтожение одной монополии не выведет труд из его нищенского положения, пока народ не приобретет власти, при которой все монополии и формы притеснения должны быть отменены»⁸.

Что же, однако, скрывалось за этим требованием? Мыслилась ли отмена монополий на машины и др. как лишение класса собственников, т. е. капиталистов, средств производства? Внимательное изучение программных заявлений чартистских руководителей и печати убеждает нас в том, что это туманное требование сводилось к уничтожению исключительной собственности крупной буржуазии, к облегчению деятельности мелких собственников. Эта формула петиции, как и выраженная в петиции надежда на превращение государства в средство содействия «счастью всей страны», полностью воспроизводила обычную фразеологию мелкобуржуазных реформаторов и не содержала, как нам представляется, ровно никаких идей социалистического характера.

Таким образом, утверждения Б. А. Рожкова о наличии у чартистов ранее 1848 г. социалистических целей и об исчезновении у них уже к 1844 г. «последних иллюзий»⁹ опровергаются как раз теми документами, на которые он ссылается, желая подтвердить свою точку зрения.

Как же получилось, что Б. А. Рожков прочел в документах то, чего в них нет? Скорее всего это объясняется сложностью того явления, которое он взялся рассматривать. Дело в том, что чартизм никогда не представлял собой, и особенно до конца 40-х годов, единого движения: он был явлением очень сложным и в классовом и в идейном отношении. Это было отражением пестроты классового состава трудящегося населения Англии в период, когда еще не завершились крупнейшие социально-экономические процессы промышленного переворота. Пролетариат этой переходной эпохи находился в процессе формирования, оставаясь тысячами нитей связанным с ремеслом, он еще не освободился от мелкобуржуазных иллюзий, не осознал своего места в обществе.

В то же время следует принять во внимание и то, что сама объективная обстановка и положение пролетариата в капиталистическом обществе готовят почву для восприятия пролетариатом социалистических идей. Пролетариат стихийно подходит к пониманию многих истин. Так, опыт классовой борьбы английского рабочего класса подсказывал ему мысли о непримиримости его интересов с интересами

⁷ «The Northern Star», 16.X.1841.

⁸ Ibidem.

⁹ Это выражение Б. А. Рожков дословно заимствует у Маркса, но, как нетрудно убедиться, Маркс имел в виду совсем не то, о чем говорит Рожков. К. Маркс писал: «В первые десятилетия этого столетия (XIX в.— Н. Е.) при сэре Фрэнсисе Бёрдетте, майоре Картрайте, Коббете всеобщее избирательное право носило все еще тот неопределенный идеалистический характер, который делал его благим пожеланием для всех слоев населения, не принадлежавших непосредственно к правящим классам. Для буржуазии оно являлось в действительности лишь эксцентричным обобщающим выражением того, чего она добилась парламентской реформой 1831 года. И после 1838 г. требование всеобщего избирательного права не приняло в Англии своего действительного, специфического характера. Доказательство: и Юм и О'Коннел тоже подписали Хартию. В 1842 г. исчезли последние иллюзии». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 280—281. Таким образом, Маркс имел здесь в виду исчезновение последних иллюзий у буржуазии, а не у пролетариата.

буржуазии, о необходимости завоевания политической власти и многие другие. В обстановке величайшего общественного подъема, которым знаменовалась эта эпоха, отдельные передовые идеологи бурящегося класса были способны на гениальные догадки и обобщения. Так, например, О'Брайен, Гарни и другие близко подходили к пониманию роли классов и классовой борьбы в жизни общества. Чартистское движение оставило богатое наследство в области идеологии, тактики и организации рабочего класса. Исследователям чартизма предстоит еще многое изучить и рассказать об огромных достижениях английских рабочих этой эпохи.

Однако, признавая все эти достижения, исследователь не должен при этом игнорировать серьезные слабости английского рабочего движения этих лет, и прежде всего его основную слабость — отсутствие социалистической сознательности. К сожалению, Б. А. Рожков, как нам кажется, забывает общеизвестную марксистскую истину, что социалистическое сознание, т. е. понимание конечных целей борьбы, могло быть привнесено в рабочее движение лишь извне¹⁰. Главная ошибка Б. А. Рожкова состоит в том, что он игнорирует сложность чартистского движения и диалектику его развития, подходи к нему как к явлению законченному и сложившемуся, в то время как в действительности чартистское движение (в соответствии с развитием самого пролетариата) находилось в процессе становления, а идеология пролетариата только вызревала.

В связи с этим должен быть рассмотрен и вопрос о новой периодизации чартистского движения, предложенной Б. А. Рожковым. Как уже отмечалось, Б. А. Рожков рассматривает этапы развития чартизма «с точки зрения развития сознательности чартистов». Вехой на этом пути автор считает 1840 г., ограничивая свое обоснование утверждением, что в 1840—1844 гг. у чартистов «исчезают последние иллюзии», они «объединяются в единую партию, более отчетливо выясняются социалистические устремления чартистского движения» (стр. 111). Выше говорилось о невозможности доказать последнее положение. Но столь же неубедительно выглядят и остальные признаки, которые Б. А. Рожков считает характерными и достаточными для выделения этих лет в особый период движения.

Возникновение чартистской партии, точнее, Национальной чартистской ассоциации, созданной в июле 1840 г. на конференции в Манчестере, действительно явилось значительным шагом вперед в организации чартистского движения. Ассоциация имела свой устав, четкую структуру, руководящие органы, которые распоряжались средствами, поступавшими в виде членских взносов, и т. д.

Однако, если вспомнить, что автор обосновывает периодизацию не развитием организации чартистов, а развитием их сознательности, то следует спросить: явилось ли создание чартистской Ассоциации шагом вперед в этом отношении? Конечно, попытка создать в общеанглийском масштабе свою организацию и придать ей четкую структуру уже свидетельствовала об известном росте сознательности. Однако анализ идеологии Ассоциации показывает, что ее создание все же не было переломным событием в развитии сознательности чартистского движения.

Ассоциация ставила своей целью «добиться полного и справедливого представительства в парламенте всего народа Соединенного королевства»¹¹ и не выдвигала никаких социальных задач. Правда, Ассоциация по своему составу вскоре действительно стала рабочей организацией. Однако это произошло вовсе не потому, что она заранее противопоставляла себя буржуазии или закрывала двери для буржуазных деятелей¹². Преобладание рабочих объяснялось прежде всего тем, что создание общеанглийской организации считалось незаконным и это отпугнуло от вступления в

¹⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 347.

¹¹ «The Northern Star», 25.VII.1840.

¹² § 5 устава Ассоциации (принятого на конференции в Манчестере под названием «План организации») устанавливал, что членом Ассоциации может быть всякий, кто согласен с ее принципами и платит членский взнос в размере одного пенни в неделю.— См. «The Northern Star», 25.VII.1840. В «Послании делегатов, собравшихся в Манчестере, к жителям Великобритании» учредительная конференция уточняла, что членом Ассоциации может быть всякий, кто живет своим трудом и лишен права избирать в парламент. Эта формула в тогдашнем понимании отнюдь не исключала предпринимателей и была направлена лишь против аристократии и других паразитических элементов общества.— «The Northern Star», 1.VIII.1840.

Ассоциацию многих активных участников чартистского движения¹³, и прежде всего людей состоятельных.

Вместе с тем, хотя в Ассоциации и преобладали рабочие, фабричных пролетариев среди них было немного, а подавляющее большинство составляли рабочие, связанные с ремеслом¹⁴. Как по своему положению, так и в особенности по своей идеологии эти последние прямо смыкались с мелкой буржуазией. Таким образом, чартистская Ассоциация, будучи в этот период рабочей организацией по своему составу, не являлась пролетарской организацией в идейном отношении. Вряд ли поэтому есть основания начинать с момента ее возникновения новый этап в истории чартизма.

Следующий период начинается, по мнению Б. А. Рожкова, в 1845 г. «Как известно,— пишет он,— взгляды Маркса и Энгельса сложились в основном в 1844—1845 гг... Маркс и Энгельс сразу же развернули борьбу за внедрение выработанного ими мировоззрения в сознание пролетариата» (стр. 111). Отсюда Б. А. Рожков делает поспешный вывод, что 1844 г. явился «началом борьбы за соединение чартистского движения с пролетарским социализмом» (там же). В действительности появление научного социализма было, как известно, лишь объективной предпосылкой для этого соединения.

Основная ошибка Б. А. Рожкова состоит, как нам кажется, в том, что, взяв в качестве критерия периодизации «развитие сознательности» чартистов, он рассматривает этот процесс абстрактно, прежде всего не учитывая классовый состав участников чартистского движения. Поторопившись признать в чартизме организованную партию пролетариата, преследующую социалистические цели, Б. А. Рожков не обратил внимания на то, что вплоть до 1848 г. чартистское движение не являлось движением чисто пролетарским: сначала в нем активно участвовала буржуазия, а после ее отхода еще очень долго оставалось сильным влияние мелкой буржуазии.

Б. А. Рожков считает, что превращение чартизма в движение чисто пролетарское произошло уже в 1840 г., тогда как известно, что участие буржуазии в чартистском движении продолжалось по крайней мере до 1842 г. На это, в частности, указывает деятельность созданной буржуазным радикалом Стёрджем «Национальной ассоциации полного избирательного права». На первой конференции этой ассоциации в марте 1842 г. буржуазные радикалы шли на сотрудничество с чартистами. Положение изменилось на протяжении года: на конференции той же организации в декабре 1842 г. между чартистами и радикалами произошел разрыв. Сигналом к этому разрыву явилась грандиозная стачка в августе 1842 г. После этого имело место отмежевание буржуазии от чартистов, закончившееся, видимо, в 1843 г.¹⁵

Однако и после этого чартистское движение еще не превратилось в чисто пролетарское: в нем по-прежнему принимали самое активное участие широкие круги мелкой буржуазии. Об этом свидетельствуют как состав чартистских организаций, так и лозунги движения, в частности постоянное подчеркивание мирных и легальных методов борьбы. Ф. Энгельс эту мирную тактику чартистов 40-х годов прямо связывал с тем, что в лагере чартизма в это время находились многочисленные представители мелкой буржуазии¹⁶. Увлечение мелкобуржуазным земельным планом О'Коннора, фактическое поглощение чартистских организаций Земельной лигой также свидетельствуют о значительном влиянии мелкобуржуазной идеологии.

Однако в ходе борьбы рабочего класса за Хартию наступил наконец такой момент, когда и мелкая буржуазия покинула его. Когда это произошло? Сигналом к размежеванию между рабочими и мелкой буржуазией явились события 1848 г. во

¹³ Так обстояло дело с Ловеттом и многими другими.— См. W. Lovett. *Life and Struggles*, vol. II, p. 257.

¹⁴ Интересную попытку установить классовый состав Национальной чартистской ассоциации делает А. Д. Колпаков, опираясь на анализ профессий 560 кандидатов, выдвинутых весной и летом 1841 г. в 70 городах Англии в Генеральный исполнительный комитет. По данным А. Д. Колпакова, только 6% этого числа не занимались физическим трудом, 29% составляли фабричные рабочие, остальные были наемными рабочими, не занятыми на фабриках. Это были «сапожники, портные, плотники, столяры, каменщики, металлисты, горняки, кузнецы, чулочники и т. д.» — А. Д. Колпаков. Создание Национальной чартистской ассоциации (1840—1841 гг.).— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 2, стр. 151.

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 454—457.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. М., 1953, стр. 21—22.

Франции, в особенности июньское восстание французского пролетариата, а также движение в самой Англии 10 апреля 1848 г., восстание в Ирландии. На это указывал Ф. Энгельс¹⁷; об этом свидетельствует и резкое падение числа участников чартистского движения. Только с этого момента, т. е. не ранее 1848 г., чартизм превращается по своему составу в движение исключительно пролетарское. Эти коренные изменения классового состава чартистского движения и являются, как нам кажется, этапами его развития.

Таким образом, представление Б. А. Рожкова, что чартисты в Англии и до 1848 г. являлись пролетарской партией, преследовавшей социалистические цели, не подтверждается фактами.

В. В. Галкин в статье, опубликованной в настоящем журнале (1959, № 6), правильно отмечает тенденцию Б. А. Рожкова к преувеличению «идейной и организационной зрелости чартизма на всех этапах развития этого движения»¹⁸. Однако нам кажется, что, правильно отмечая крайности концепции Б. А. Рожкова, В. В. Галкин сам делает слишком большой крен в противоположную сторону, отрицая за чартистской организацией право называться пролетарской партией даже в 50-х годах, когда чартисты приступили к выработке социалистической программы.

Нам представляется, что оба автора упрощают дело. Чартистское движение прошло в своем развитии очень сложный путь. Длительный и богатый опыт классовой борьбы, активное участие в политической жизни подготовили рабочий класс к тому, чтобы он мог взять на себя роль руководителя общенародной борьбы за полную демократизацию политического строя Англии. Однако в тогдашних условиях английский пролетариат не смог еще это сделать прежде всего потому, что сам не отдавал себе ясного отчета в конечных целях своей борьбы, туманно представлял ее пути и методы. Вся история чартизма была трудным и мучительным процессом выработки целей, организационных форм движения, тактики борьбы.

Б. А. Рожков упрощенно считает концом процесса тот период, когда он только еще начинался, а В. В. Галкин не замечает действительных результатов там, где они уже явно наметились. Таким образом, несмотря на противоположность исходных позиций, оба автора допускают, как нам кажется, одну и ту же ошибку, которая коренится в недостаточном внимании к фактическому ходу событий.

Чартизм стал превращаться в пролетарскую партию, но лишь после того, как рабочий класс выдвинул такие методы и цели борьбы, которые оттолкнули от него его мелкобуржуазных попутчиков. Превращение чартизма в чисто пролетарское по своему составу движение явилось первой предпосылкой к созданию пролетарской партии. Второй было усилившееся влияние идей научного коммунизма на руководящих деятелей чартизма, в первую очередь на Джонса и Гарни. Таким образом, возникновение пролетарской партии в Англии можно датировать не ранее чем концом 40-х — началом 50-х годов¹⁹.

Эта партия сыграла весьма важную роль в политической жизни Англии 50-х годов XIX в. Однако объективные условия — прежде всего бурное развитие английского капитализма и политика буржуазии, направленная на развращение и подкуп верхушки рабочего класса, — оказались серьезным препятствием для проникновения социалистической идеологии в рабочий класс, на несколько десятилетий задержавшим духовное развитие английских рабочих. Чартистская партия не стала массовой и в конце 50-х годов прекратила свое существование.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 194.

¹⁸ В. В. Галкин. О некоторых вопросах истории чартизма. — «Новая и новейшая история», 1959, № 6, стр. 126.

¹⁹ Правда, Маркс еще в октябре 1847 г. называл чартистов политической партией английских рабочих. — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 303. Однако это отнюдь не значит, что Маркс считал чартистов уже в это время партией чисто рабочей и тем более социалистической. Он лишь отмечал начавшийся отход мелкобуржуазных элементов и наметившееся перерастание чартизма в чисто рабочее движение.

